

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44
О-70

Серия «Эксклюзивная классика»

George Orwell
ANIMAL FARM
ESSAYS

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения
The Estate of the late Sonia Brownell Orwell
и литературных агентств А.М. Heath & Co Ltd.
и Andrew Nurnberg.

Оруэлл, Джордж.

О-70 Скотный двор ; Эссе : [сборник : перевод с английского] / Джордж Оруэлл. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-102500-7

В книгу включены не только легендарная повесть-притча Оруэлла «Скотный двор», но и эссе разных лет — «Литература и тоталитаризм», «Писатели и Левиафан», «Заметки о национализме» и другие.

Что привлекает читателя в художественной и публицистической прозе этого запретного в тоталитарных странах автора?

В первую очередь — острейшие проблемы политической и культурной жизни 40-х годов XX века, которые и сегодня продолжают оставаться актуальными. А также объективность в оценке событий и яркая авторская индивидуальность, помноженные на истинное литературное мастерство.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. В. П. Голышев, 2016
© Перевод. И. Я. Доронина, 2016
© Перевод. А. М. Зверев, 2016
© Перевод. С. Э. Таск, 2016
© George Orwell, 1945, 1938—1949
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-102500-7

СКОТНЫЙ ДВОР

Глава первая

Мистер Джонс, владелец фермы «Райский уголок», несмотря на сильное подпитие, перед сном по-хозяйски запер курятник, оставив при этом открытыми слуховые окна. Вооруженный пляшущим в руке фонариком, он пересек двор на ватных ногах, скинул сапоги на заднем крыльце, заглянул в буфетную, чтобы в последний раз отметить у бочонка с пивом, и взял курс на спальню, ориентируясь на храп миссис Джонс.

Едва успел погаснуть в спальне свет, как во всех хозяйственных постройках разом все зашевелилось, захлопало крыльями. Еще днем распространился слух, что старый Майор, упитанный белый кабан-медалист, видел прошлой ночью странный сон и хотел бы рассказать о нем всем животным.

Было решено собраться в большом сарае, как только мистер Джонс пойдет спать.

Старый Майор (это имя закрепилось за ним давно, хотя на выставках он был больше изве-

стен как Красавчик) пользовался на ферме особым почетом, и ради того, чтобы лишний раз его послушать, не жаль было пожертвовать часом сна.

В дальнем конце сарая возвышался дощатый помост; там, на соломенной подстилке, под фонарем, подвешенным за балку, возлежал Майор. В свои двенадцать лет, при том что его несколько разнесло, он был по-прежнему хорош, воплощение мудрости и кротости, невзирая на торчащие клыки. Один за другим входили животные и устраивались поудобнее, каждое на свой манер.

Первыми появились собаки, Бесси, Джесси и Пинчер, за ними свиньи, которые сразу облюбовали мягкую солому перед самым помостом. Куры расселись на подоконниках, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы улеглись позади свиней и принялись за жвачку. Работяга и Хрумка, две ломовые лошади, войдя в сарай, соразмеряли каждый шаг, чтобы, не дай бог, не раздавить какую-нибудь кроху своими мощными мохнатыми копытами. Хрумка, выносливая кобыла в расцвете лет, ожеребившись в четвертый раз, утратила прежнюю стройность форм. Работяга, здоровенный, под два метра битюг, стоил двух жеребцов. Белая полоса на морде придавала ей этакое простецкое выражение, да в общем-то он звезд с неба и не хватал, зато снискал всеобщее уважение за твердый характер и исключительную работоспособность. За

лошадьми пожаловали Мюриэл, белоснежная козочка, и Бенджамин, осел. Среди всех животных на ферме Бенджамин был самый старший и самый злонравный. Говорил он крайне редко и если уж открывал рот, то непременно следовал циничный выпад — к примеру:

«Бог наградил меня хвостом, чтобы я мог отгонять мух, а по мне, так лучше ни мух, ни хвоста». Он единственный никогда не смеялся. На вопрос «почему?» он отвечал, что не видит вокруг себя ничего смешного. Он был по-своему предан Работяге, хотя нипочем не признал бы этого вслух. Воскресенья они обычно проводили вместе на выгуле, за фруктовым садом, где они могли, бок о бок пощипывая травку, не обмолвиться за весь день ни единым словечком.

Не успели лошади как следует улечься, как появился целый выводок утят.

Они отбились от мамы и теперь слабо попискивали и тыкались туда-сюда в поисках безопасного местечка. Хрумка огородила для них пяточок своей мощной передней ногой, и утята, угнездившись, мгновенно заснули. Как всегда, под занавес в сарай вошла блондинка Молли, глуповатая хорошенькая кобылка, которую мистер Джонс запрягал в двуколку. Похрустывая сахарком, она грациозно, мелкими шажками прошла вперед и начала у всех на виду поигрывать белой гривой, чтобы каждый мог по достоинству оценить вплетенные в нее красные ленты. В последний момент на пороге показа-

лась кошка. По обыкновению, она осмотрелась и решила, что самое теплое местечко — между Работягой и Хрумкой; там она и расположилась, и, пока Майор держал речь, она себе мурлыкала в полном упоении, ничего не видя и не слыша.

Итак, все были в сборе, если не считать ручного ворона Моисея, спавшего на своем шестке за сараем. Убедившись, что все удобно устроились и готовы ему внимать, Майор прочистил горло и начал так:

— Товарищи! Как вы слышали, прошлой ночью мне приснился странный сон.

Но прежде чем рассказать о нем, позвольте всего несколько слов. Я знаю, дни мои сочтены, и я не имею права уйти, не передав вам, товарищи, свой опыт. Я прожил долгую жизнь, много размышлял, лежа в своем закуте, и, думаю, пришел к пониманию природы вещей, насколько это дано нам, животным. Вот об этом-то я и хочу поговорить сегодня.

Какова же, товарищи, природа вещей? А такова, что наш век короток, тяжел и беспросветен. Едва появившись на свет, мы работаем до седьмого пота, а живем впроголодь, в чем только душа держится, и, когда мы становимся ни на что не пригодными, нас предают варварской мучительной смерти. Нет в Англии животного, которое, выйдя из младенчества, знало бы, что такое счастье и заслуженный отдых. Нет в Англии животного, которое было бы свободным. Мы живем в рабстве и нищете — вот голая правда.

Но, может быть, это в природе вещей? Может быть, земля наша так скудна, что не способна прокормить всех своих обитателей? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Земля Англии плодородна, климат благоприятный, а пищи хватит нашим внукам и правнукам. Взять даже эту ферму: здесь могли бы жить припеваючи дюжина лошадей, два десятка коров, сотни овец. Невероятно, но факт. Так почему же, спрашивается, мы влачим столь жалкое существование? А потому, что продукт нашего труда присваивается человеком! Вот где, извиняюсь, собака зарыта. Вот он, корень зла — человек. Другого врага у нас нет. Уберите с подмостков Истории человека, и вы навсегда покончите с голодом и рабским трудом.

Только человек потребляет, ничего не производя. Он не несет яйца, не дает молока, ему не по силам тащить плуг или загнать зайца. И при этом он царь и бог. Он закабалил нас, мы гнем на него спину, перебиваясь с хлеба на воду, а он живет плодами нашего труда. Мы надрываем мускулы при обработке его земли, мы производим ценнейший навоз для его полей, и что же? Кожа да кости — это все, что мы имеем. Вот вы, коровы, сколько тысяч литров молока дали вы за прошлый год? И куда оно пошло, минуя голодных сосунков? Все, до последней капли, вылакали наши эксплуататоры. А вы, куры, сколько вы снесли яиц и много ли вылупилось из них цыплят? Львиная доля пошла на рынок, чтобы еще больше обогатились Джонс и его люди. А где,

Хрумка, четверо твоих жеребят, которые могли стать опорой и усладой твоей старости? Их продали с торгов годовалыми, и уже не видать тебе их, как своих ушей. Выносить и в муках родить потомство, полить потом каждую пядь земли — а что взамен, кроме стойла и жалкой подачки?

Но даже эта безрадостная жизнь редко достигает своего естественного конца. О себе я не говорю, мне крупно повезло: двенадцать годков, худо-бедно, прожил, и детишками бог не обидел, за четвертую сотню перевалило. Но все так или иначе идут под нож. Вот передо мной сидят подсвинки, их за год откормят, а потом, отчаянно визжащих, прикончат на колоде одним ударом. Этот ужас грозит всем нам — коровам, свиньям, курам, овцам — всем. Возьмите нашего Работягу. Стоит ему подорвать свое лошадиное здоровье, как в тот же день Джонс продаст его на живодерню, где с него снимут шкуру, а мясо отдадут на псарню. Даже последнюю собаку ждет безвременный конец. Когда у нее обвиснет хвост и зубов поубавится, Джонс привяжет ей на шею камень и утопит в ближайшем пруду.

Короче, товарищи, ясно как божий день: не будет нам житья, пока существует тирания человека. Свергнем тирана — и все принадлежит нам. Одно мощное усилие — и вот они, свобода и сытая жизнь. Сам собой напрашивается вопрос: что делать? Я вам скажу. Трудиться день и ночь, не щадя себя, во имя освобождения от

человеческого гнета. Вот мой вам завет, товарищи: восстание!

Когда произойдет это восстание, через неделю или через сто лет, я не знаю, но так же ясно, как вы видите меня на соломенной подстилке, с такой же ясностью я вижу — рано или поздно справедливость восторжествует. Так посвятите этой цели остаток своей короткой жизни! А главное, передайте мой завет потомкам, и пусть грядущие поколения продолжат нашу борьбу до окончательной победы!

И помните, товарищи: ничто не должно колебать вашей решимости. Пусть никакие красивые слова не собьют вас с пути. Не верьте человеку, когда он будет говорить, что у него и у животных общие интересы и что чем богаче его стол, тем больше вам с него перепадает. Все ложь. Человек всегда блюдет свой интерес. Ну а мы, животные, должны сомкнуть наши ряды, должны крепить наше единство. Все люди — враги. Все животные — братья...

Его слова заглушил внезапный шум. Пока Майор держал свою речь, из щелей сарая вылезли огромные крысы и присоединились к слушателям. Тут их засекли собаки, и несдобровать бы крысам, не юркни они обратно в щель. Майор поднял копытце, прося тишины.

— Товарищи, — сказал он, — нам надо определиться. Крысы и дикие кролики — кто они, друзья или враги? Ставлю вопрос на голосова-

ние. Итак: считает ли собрание, что нам с крысами по пути?

Подавляющим большинством голосов вопрос был решен положительно. Против оказались четверо, три собаки и кошка, которая, как позже выяснилось, проголосовала за оба предложения. А Майор продолжал:

— Мне осталось сказать немного. Еще раз повторю: будьте непримиримы в своей ненависти ко всему, что связано с именем человека. Всякое двуногое — враг. Всякое четвероногое или крылатое — друг. Но важно, чтобы в борьбе с человеком мы не уподобились ему. И позже, когда он уже будет низложен, нельзя, чтобы мы погрязли в людских пороках. Ни одно животное не должно жить в доме, спать в постели, носить одежду, не должно употреблять алкоголь и курить табак, заниматься торговлей и вести денежные расчеты. Что бы человек ни делал, все дурно. А самое главное — животные не должны угнетать себе подобных. Среди нас есть слабые и сильные, умные и не очень, но все мы братья. Ни одно животное никогда да не убьет другое. Все животные равны.

А теперь, товарищи, мой сон. Рассказать его трудно. Я увидел, какой будет земля без человека. И вдруг вспомнил совсем забытое. Давным-давно, в пору моего поросычьего детства, моя мать и тетки певали старинную песню — они знали только мелодию и первые три слова. Я помнил эту мелодию, но со временем она как-то

забылась. И вот сегодня ночью я услышал ее во сне. Более того, я услышал слова, которые наверняка были известны нашим далеким предкам и казались уже навсегда утраченными. Сейчас я вам спою эту песню. Конечно, я стар и голос у меня уже не тот, зато, когда ее разучите вы, она зазвучит в полную силу. Песня называется «Скот домашний, скот бесправный».

Старый кабан прочистил горло и запел. Хотя голос у него и вправду был уже не тот, однако пел он довольно прилично, и мелодия сразу западала в сердце, напоминая одновременно «Клементину» и «Кукарачу». Впрочем, ближе к тексту:

Скот домашний, скот бесправный,
Изнуренный мастой,
Верю, ждет нас праздник славный,
Век наступит золотой!

Тот, кто был вчера хозяин,
Будет стерт с лица земли,
И до самых до окраин
Заживем как короли.

Все, что нам веками снилось,
Все получим мы сполна:
Будет сено, будет силос,
Вдоволь жмыха и зерна.

Злую зиму сменит лето,
Сменит бурю полный штиль,
Ну а ветхие заветы
Навсегда сдадим в утиль.

Все, друзья, начнем с начала,
День придет — взмахнем хвостом
И, не мешкая, орала
На мечи перекуем.

Скот домашний, скот бесправный,
Изнуренный маемой,
Верю, ждет нас праздник славный,
Век наступит золотой!

Экстаз был полный. Майор не успел добраться до последнего куплета, как уже грянул хор. Даже самые несообразительные с ходу запомнили мелодию и отдельные слова, а более смышленные, вроде свиней и собак, через несколько минут знали песню наизусть. После двух или трех проб весь личный состав скотного двора дружно горланил: «Скот домашний, скот бесправный...» Мычали коровы, выли собаки, блеяли овцы, ржали лошади, кричали утки. От избытка чувств песню пропели пять раз подряд и пели бы, наверно, до утра, если бы не грубое вмешательство извне.

От этого «пения» проснулся мистер Джонс и спросонья решил, что на ферму забралась лисица. Он схватил в углу охотничье ружье, всегда стоявшее наготове, и пальнул в темноту крупной дробью. Огонь приняла на себя стена сарая, что послужило сигналом к окончанию собрания. В один момент всех словно ветром сдуло. Четвероногие зарылись в солому, крылатые расселись по шесткам, и на ферме воцарилась полная тишина.

Глава вторая

Спустя три дня душа старого Майора тихо отлетела во сне. Могилу ему выбрали с видом на фруктовый сад.

Это случилось в начале марта. Следующие три месяца прошли в бурной, хотя и тщательно законспирированной деятельности. Если говорить о наиболее сознательных животных, то речь Майора буквально перевернула их представления о жизни. Никто не знал, когда случится гениальное предвидение, трудно было рассчитывать на то, что Восстание произойдет при их жизни, но ясно было одно: надо сделать все, чтобы приблизить этот великий день. Вся просветительская и организационная работа легла на плечи свиней, как на самую мыслящую часть животного мира. Среди последних выделялись два кабанчика — Цицерон и Наполеон, которых мистер Джонс выращивал на продажу.

Наполеон был крупный и весьма свирепый на вид кабан беркширской породы, единственный беркшир на ферме; он умел настоять на своем, хотя и не обладал даром красноречия. Цицерон же был нрава веселого, фантазер и говорун, но ему, по общему мнению, не хватало основательности. Прочие кабанчики откармливались на убой. Самый заметный из них был Деловой, шустрый такой, бокастенкий, с лоснящимся рыльцем, необыкновенно живыми глазками-пуговками и пронзительнейшим голо-